в Сов. культуре, 1975,
22 авг

№ 68 (486)

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

СТАФЕТУ

Заслуженный артист РСФСР

П. Мокеев о певце Ю. Веденееве:

Желаю новых успешных работ, новых ярких ролей

Вот уже многие годы веду я класс сольного пения в Государственном институте театрального искусства имени Луначарского. И хотя воспитал уже немало молодых певцов, разъехавшихся в разные районы нашей необъятной страны, каждый раз, когда на выпускном экзамене выступает мой ученик, я испытываю чувство большого волнения. Так было и весной 1972 года, когда отделение музыкального театра ГИТИСа оканчивал Ю. Веденеев. За пять лет занятий с ним я хорошо изучил его певческие и артистические возможности. Веденеев — обладатель лирического баритона красивого тембра, успешно справляющийся с партиями высокой тесситуры. За годы обучения в нашем институте у него выработалась хорошая дикция, столь необходимая в театре оперетты. Молодой певец, наделенный от природы незаурядным сценическим дарованием, неоднократно радовал способностью вникать в сущность роли, играть живо, естественно, без какого-либо стремления к внешнему эффекту.

И все же в тот день 1972 года, когда Веденеев выступал в партии Баринка в оперетте «Цыганский барон» Иоганна Штрауса, я, как всегда, волновался. Чувство это рождается отнюдь не из опасения, успешно или менее удачно выступит дипломант. Это само собой. Но гораздо существеннее те переживания, которые идут от сознания, что ты, педагог, довел молодого человека до важного рубежа в его творческой жизни. Позади годы учения, впереди самостоятельный путь. Как сложится этот путь, будет ли он полон творческого горения, принесет ли артисту радость полноценного труда или же, наоборот, разочарования и неудачи? Этот вопрос меня очень занимал. Ведь так часто бывает: та-

лант людей, блеснувших в годы учения, вскоре блекнет, тускнеет, и они сходят со сцены.

На выпускном экзамене Веденеев спел отлично. Присутствовавший на спектакле художественный руководитель Московского театра оперетты Г. Ансимов обратил на него внимание и пригласил в свою труппу. В общем удачно сложилось для молодого артиста начало творческой жизни.

За два года он спел и сыграл много разных ролей. И вот последняя из них — ведущая партия Генриха Айзенштейна в оперетте Иоганна Штрауса «Летучая мышь». В этой новой роли Веденеев производит очень приятное впечатление. На протяжении спектакля он играет легко, на высоком профессиональном уровне. Его поведение на сцене логично и жизненно правдоподобно, до мельчайших деталей продуман ансамбль с партнерами. Он избегает столь сильного для молодого артиста соблазна поиграть на публику, поразить ее внешней эффектностью; убедительный рисунок сценического поведения персонажа прочерчен им с большой психологической достоверностью.

По-прежнему у него хорошая дикция. Пожалуй, еще тоньше стала музыкальность, интонационная чуткость. Я не заметил, чтобы по ходу спектакля артист оглядывался на дирижерскую палочку, а это само по себе говорит об отличном знании партии и сценической уверенности.

Я покидал театр с приятным убеждением в том, что мой воспитанник нашел себя и жизнь его в театре дает ощутимые результаты. Желаю ему новых успешных работ, новых ярких ролей на такой прекрасной сцене, какой располагает Московский театр оперетты.

Заслуженный артист РСФСР

П. Мокеев о певце Ю. Веденееве:

Желаю новых успешных работ, новых ярких ролей

Вот уже многие годы веду я класс сольного пения в Государственном институте театрального искусства имени Луначарского. И хотя воспитал уже немало молодых певцов, разъехавшихся в разные районы нашей необъятной страны, каждый раз, когда на выпускном экзамене выступает мой ученик, я испытываю чувство большого волнения. Так было и весной 1972 года, когда отделение музыкального театра ГИТИСа оканчивал Ю. Веденеев. За пять лет занятий с ним я хорошо изучил его певческие и артистические возможности. Веденеев — обладатель лирического баритона красивого тембра, успешно справляющийся с партиями высокой тесситуры. За годы обучения в нашем институте у него выработалась хорошая дикция, столь необходимая в театре оперетты. Молодой певец, наделенный от природы незаурядным сценическим дарованием, неоднократно радовал способностью вникать в сущность роли, играть живо, естественно, без какого-либо стремления к внешнему эффекту.

И все же в тот день 1972 года, когда Веденеев выступал в партии Баринка в оперетте «Цыганский барон» Иоганна Штрауса, я, как всегда, волновался. Чувство это рождается отнюдь не из опасения, успешно или менее удачно выступит дипломант. Это само собой. Но гораздо существеннее те переживания, которые идут от сознания, что ты, педагог, довел молодого человека до важного рубежа в его творческой жизни. Позади годы учения, впереди самостоятельный путь. Как сложится этот путь, будет ли он полон творческого горения, принесет ли артисту радость полноценного труда или же, наоборот, разочарования и неудачи? Этот вопрос меня очень занимал. Ведь так часто бывает: та-

лант людей, блеснувших в годы учения, вскоре блекнет, тускнеет, и они сходят со сцены.

На выпускном экзамене Веденеев спел отлично. Присутствовавший на спектакле художественный руководитель Московского театра оперетты Г. Ансимов обратил на него внимание и пригласил в свою труппу. В общем удачно сложилось для молодого артиста начало творческой жизни.

За два года он спел и сыграл много разных ролей. И вот последняя из них — ведущая партия Генриха Айзенштейна в оперетте Иоганна Штрауса «Летучая мышь». В этой новой роли Веденеев производит очень приятное впечатление. На протяжении спектакля он играет легко, на высоком профессиональном уровне. Его поведение на сцене логично и жизненно правдоподобно, до мельчайших деталей продуман ансамбль с партнерами. Он избегает столь сильного для молодого артиста соблазна поиграть на публику, поразить ее внешней эффектностью; убедительный рисунок сценического поведения персонажа прочерчен им с большой психологической достоверностью.

По-прежнему у него хорошая дикция. Пожалуй, еще тоньше стала музыкальность, интонационная чуткость. Я не заметил, чтобы по ходу спектакля артист оглядывался на дирижерскую палочку, а это само по себе говорит об отличном знании партии и сценической уверенности.

Я покидал театр с приятным убеждением в том, что мой воспитанник нашел себя и жизнь его в театре дает ощутимые результаты. Желаю ему новых успешных работ, новых ярких ролей на такой прекрасной сцене, какой располагает Московский театр оперетты.

Соб. рукопись
1972, декабрь, № 68